

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 316.32
ББК 60.524.224.1

М. М. Прохоров

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ, КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ В РАЗВИТИИ МИРА СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ

Информатизация, компьютеризация и гуманизация рассматриваются как начала революционных преобразований в развитии современного мира социальной материи. Доказана противоположность марксистской концепции и концепции информационного общества знаний. Раскрыты трудности информатизации и компьютерной революции, разворачивающихся после краха мировой системы социализма, которые могли бы принести колоссальные конкурентные преимущества социализму в соревновании с капитализмом. Показано, что последний ориентирует бизнес на максимизацию прибыли любой ценой, создавая неразрешимые проблемы на пути революции, обуславливая неготовность социально-экономической среды к их широкому применению. Обоснована эффективность интегрированного хозяйственного уклада КНР как промежуточного, одного из приемлемых путей дальнейшего развития мирового сообщества. Отмечена и разрушительная историческая альтернатива, допускающая вариант самоистребления человека в ходе ведущейся США войны за удержание глобальной гегемонии капитализма.

Ключевые слова: информатизация, компьютеризация, гуманизация, доиндустриализация, индустриализация, постиндустриализация, постэкономизм, посткапитализм, марксизм, постмарксизм.

М. М. Prokhorov

INFORMATION, COMPUTERIZATION AND HUMANIZATION IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD OF SOCIAL MATTER: TWO CONCEPTS

Informatization, computerization and humanization are considered as the grounds of revolutionary transformations in the development of the modern world of social matter. The opposition of the Marxist concept and the concept of the information society of knowledge is proved. The author reveals the difficulties of informatization and the computer revolution, unfolding after the collapse of the world socialist system, which could bring colossal advantages to socialism in competition with capitalism. It is shown that capitalism orients business towards maximizing profits at any cost, creating insoluble problems on the path of the revolution, causing the socio-economic environment to be unprepared for their widespread use. The effectiveness of the integrated economic structure of the PRC as an intermediate, one of the acceptable ways of further development of the world community has been substantiated. A destructive historical alternative was also noted, allowing the variant of self-destruction in the course of the war being waged by the United States to maintain the global hegemony of capitalism.

© Прохоров М. М., 2021

Key words: informatization, computerization, humanization, pre-industrialization, industrialization, post-industrialization, posteconomism, postcapitalism, Marxism, postmarxism.

DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.14-26

Ссылка для цитирования: Прохоров М. М. Информатизация, компьютеризация и гуманизация в развитии мира социальной материи: две концепции // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 14—26.

Citation Link: Prokhorov, M. M. (2021) Informatizatsiya, komp'yuterizatsiya i humanizatsiya v razvitii mira sotsial'noy materii: dve kontseptsii [Informatization, computerization and humanization in the development of the world of social matter: two concepts], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 1, pp. 14—26.

Информационное общество на пути к постэкономической цивилизации

В литературе, посвященной теории информационного общества на Западе, часто утверждают, что на смену индустриальному обществу приходит постиндустриальное (следует уже из названия), через какое-то время постиндустриальное общество становится информационным (т. е. это стадия в развитии общества постиндустриального), а за информационным обществом следует общество знаний. И. Ю. Алексеева отмечает: объяснить такой способ «упорядочения» можно тем, что широкую известность соответствующие идеи приобретали именно в такой последовательности. Но выдвинуты все эти идеи были почти одновременно, а осмысливаемые с их помощью социальные, технологические и экономические процессы тесно переплетены между собой [6, с. 24], образуют единый поток.

В. Л. Иноземцев, ярый сторонник этих концепций, стремясь выявить суть их общего содержания, оценивает их как раскрытие предпосылок становления качественно нового типа общества, которое он называет *постэкономическим*, наделяя его гуманистическими чертами [10]. Соответственно этому он считает промерным назвать свое исследование «За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире» [11]. Преодолевая возможные возражения в чисто терминологическом аспекте, он противопоставляет новый тип общества марксистской доктрине, в которой усматривает антигуманизм классового подхода, сосредоточивается на подробном анализе понятийного аппарата западной концепции и пытается доказать, что уже сегодня существуют достаточные основания для того, чтобы понятие постэкономического общества заняло свое место в системе методологических инструментов современного обществоведения.

Можно утверждать, что это понятие есть синтетическое выражение информатизации, компьютеризации и гуманизации в развитии мира социальной материи. Отмечу, что такое осмысление находит терминологическое выражение у целого ряда представителей этого направления на Западе, у которых понятие «постэкономическое» действительно приравнивается к постиндустриальному и рассматривается как преодоление капиталистического общества в иной форме, отличной от марксистской концепции. Речь идет о преодолении капитализма не в результате антигуманной классовой борьбы, а путем опоры на знание. Несмотря на относительно прохладное отношение к «революционной» риторике марксизма, многие сторонники постэкономизма считают преодоление индустриальных тенденций глобальной революцией, не ограниченной технологическими

нововведениями, а опосредующими переход к качественно новому состоянию всего общественного целого [3, р. 22] и даже подчеркивают, что эта революция представляется самой значительной из всех, которые когда-либо переживало человечество [5, р. 374; 4, р. 34]. Концепция постэкономизма разрабатывается в контексте выделения трех больших стадий истории: доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, что соответствует в марксизме выделению трех этапов общественной эволюции, первичной, вторичной и третичной общественных формаций [12, с. 24—25]. Д. Белл, рассматривая процесс становления постиндустриального состояния, отмечает, что оно приходит «взамен индустриальной системы так же, как она пришла на смену аграрной, ... но это не должно означать прекращения производства материальных благ. Постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие общественные формы как «стадии» социальной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя сложность общества и природу социальной структуры» [2, р. 167]. Д. Белл относится к числу тех сторонников теории постиндустриализма, которые «по целому ряду проблем, в частности по вопросам классовой структуры современного общества, роли технологических изменений в общественном прогрессе, различным аспектам функционирования политических институтов и так далее, ... без всякого преувеличения или иронии говорит о самом себе и о некоторых своих сторонниках как о «постмарксистах» [11, с. 31].

Мы не должны обольщаться подобными заявлениями, чтобы не упустить качественное различие марксистской концепции и концепции информационного общества как постиндустриального или постэкономического. Последнее противопоставляется доиндустриальному и индустриальному по основному производственному ресурсу, которым выступает информация, тогда как в доиндустриальном и индустриальном обществе таковым признаются сырье и энергия; по характеру производственной деятельности, который квалифицируется как обработка в противоположность добыче и изготовлению; по технологии, называемой наукоёмкой, в то время как первые две стадии характеризовались трудоёмкой и капиталоемкой технологиями. В результате возникает знаменитая формулировка о трех обществах, первое из которых представляет собой взаимодействие инстинктивно действующего человека с природой, что затрудняет его отличие от животного, живущего в природной нише, второе — взаимодействие с преобразованной человеком природой как результатом активно преобразующей деятельности людей, а постиндустриальное общество выступает в таком случае как взаимодействие между людьми, вышедшими за пределы созерцательного и активистского типов мироотношения. Концепция постиндустриализма, делая ставку на знание и при этом на знание научное, отрицает классовый подход марксизма, как это делал Д. Белл, создатель классической концепции постиндустриализма.

Книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования» [1, р. 20] была впервые издана в 1973 году. Ее идеи и выводы во многом основаны на анализе изменений в структуре занятости, которые свидетельствовали о расширении сферы услуг, увеличении числа рабочих мест, требующих среднеспециального и высшего образования, о возрастании числа ученых и инженеров. Он опирался на результаты исследований Ф. Махлупа и М. Пората, делая объектом анализа феномен НИР (научных исследований и разработок) как показатель растущей роли научного знания в

развитии техники и производства, на появление наукоемких отраслей промышленности — электроники, оптики, вычислительной техники, химической индустрии, учитывал предпринятое Кейнсом теоретическое обоснование возможности вмешательства правительства в экономику.

Иначе говоря, сторонники постиндустриализма ближе к позиции антикоммуниста Е. Гайдара, чем марксизма. Гайдар в работе «Государство и эволюция» [8] признавал субъектами истории бизнесменов и власть имущих. Они уподобляются «угнетенным», которых «эксплуатируют» власть имущие. Гайдар выступал против этой «эксплуатации», стремился «освободить» бизнес от власти, как сказано в подзаголовке его книги, чтобы всеми процессами в обществе «заведовала» знаменитая рука Адама Смита, чтобы все было «погружено» в рынок, чтобы рыночной была не только экономика, но и общество, все его сферы. Последнее понятно жителям России, испытывающим этот «экономизм» на своей шкуре. Общество, частью которого является экономика, и так понятую экономистам меняют местами, что и приводит к возникновению феномена экономизма, который должен быть, согласно марксизму, уничтожен в ходе социальной революции.

XX век был веком социализма, оказавшего цивилизаторское воздействие на капитализм. Об этом пишут даже его ярые противники. Гайдар, борясь с марксизмом, пытался обосновать концепцию «нормального» рынка и «легитимной частной собственности», надеясь, что частная собственность и «нормальный», свободный от власти рынок позволит решить все социальные проблемы. Государственный, административно-бюрократический путь борьбы с коррупцией малоэффективен, успешной будет лишь невидимая рука рынка, частная собственность, «отделенная от государства», освобожденный от власти бизнес. В человеческой истории Гайдар видел их непримиримую борьбу и предлагал «вынуть из живого тела страны стальной осколок старой (государственной. — М. П.) системы». Эта система — «корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией». Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии, часто принимающее деспотические формы, — таковы «определяющие черты восточных обществ» и «стран третьего мира». Уже в античности Гайдар увидел полную победу «нормального рынка» над государством. «Частной же собственности на землю в римском или современном смысле этого слова в средние века нет и быть не может». В эпоху феодализма западная «социальная мутация» в пользу рынка потерпела поражение, возродившись в обществе лишь с приходом капитализма, его частнособственнических отношений. «Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства — твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения». Наиболее опасный вызов для европейского капитализма оказался, согласно Гайдару, связанным с накапливавшимися изменениями в XVIII—XIX веках. Под влиянием технических открытий и социально-политических перемен они резко ускорились, а сам бурный прогресс нес в себе немалые опасности. Казалось, что европейский корабль сорвался с ясного курса,

попал в шторм и европейская история завертелась в гибельной «диалектической» ловушке. Именно об этом с грозным, «мефистофельским» торжеством писал Маркс: «Современное буржуазное общество <...>, создавшее, как бы по волшебству, столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями». И далее еще более грозно и «диалектично» Маркс утверждал: «Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, пролетариев». Но Маркс, уверяет Гайдар, «пришел к неверным выводам». На самом деле кризис капитализма, по Гайдару, есть «кризис не рыночных производственных отношений, как думал Маркс, а (кризис. — М. П.) их легитимности», и «покушение на легитимность» со стороны марксизма, который и вызвал, получается, кризис капитализма своим «учением о капитализме», поставившим под сомнение «легитимность капитализма», шире — со стороны всех тех, кто с «пагубной самонадеянностью» собираются строить «новое общество» «по лекалам собственного изготовления».

Но кто предупрежден, тот спасен! И капиталисты, по Гайдару, взяли на вооружение учение К. Маркса, чтобы спасти капитализм. История оказалась «с иронией». «Ирония истории» показала, что она универсальна и любимчиков не имеет, повернувшись своим острием против самого Маркса. Его теория в итоге оказалась для Запада не цианистым калием, а прививкой, «предупредившей действительно смертельную болезнь», признает Гайдар. Не механическое подавление марксистской оппозиции, а ее ассимиляция (подчас под аккомпанемент антимарксистской риторики) — таков был ответ капиталистического общества. В конце XIX — начале XX века Запад пережил мучительную мутацию, но вышел из нее живым и здоровым. Например, в нем как дань социализму возникает «социальное государство». Вспомним деятельность президента Рузвельта, работы Кейнса и т. п., вводящих в капитализм те или иные черты социализма ради пролонгации его существования.

Ранее приведенные рассуждения Гайдара нуждаются в концептуальном переосмыслении. Фактически речь в них идет о том, что появляется вырожденная, точнее, вырождающаяся форма социальной организации капитализма. Наряду с открытой Марксом собственной сущностью капитализма он приобретает «приписанную сущность», проистекающую из сферы знания, нередко заимствующего марксистские положения и модифицирующие их в пользу капитализма, ради продления его существования. Возникает «странный объект», из самого «объекта» и добавленного к нему «знания». По Гайдару, капитализм как форма общественной организации приобретает и перерабатывает знание о капитализме, *присоединяя его к капитализму и тем самым изменяя его*. В результате возникает новая его форма, дополняющая его сущность. Знание обретает статус практического фактора, присоединяемого к самому объекту (уже Ф. Бэкон называл знание «силой», способной оказывать воздействие на течение событий в мире, К. Маркс увидел в знании непосредственную производительную силу). Отныне капитализм *«видит себя»* иначе, с добавкой, позаимствованной из черт социалистического общества как этапа перехода к коммунизму. У других сторонников теории постиндустриализма знание сохраняет в себе черты капиталистических социальных структур, встраиваясь в них. Отныне его существование складывается из существования «самого капитализма» и его «наблюдения»

и «контроля», которые «входят» в него, преодолевая возможность его существования за счет *неклассических* форм. В таком контексте и возникают черты «постэкономического» общества. Напуганная укреплением позиций социализма в XX веке буржуазия пошла на значительные уступки угнетенным, с одной стороны, и всячески дискредитировала революционное учение Маркса — с другой. Именно это и обусловило появление концепции постиндустриального общества, информационного общества и общества знаний.

Словесные перегородки были сломаны, полагает Гайдар, на фоне их резкого, истинно «феодального усиления» в странах «реального социализма». Было обеспечено в максимальной степени формальное и частично фактическое равенство людей перед законом, и все это не ценой революции, а, наоборот, благодаря усилению демократических традиций и постепенных преобразований, устранены наиболее уродливые формы социального неравенства.

Д. Белл, очерчивая контуры постиндустриального общества, отталкивается от характеристик индустриальной стадии. Подобно Т. Веблену, он трактует индустриальное общество как организованное вокруг производства вещей и машин для производства вещей. В постиндустриальном обществе центральное место здесь занимает научное знание. «Конечно, — признает Д. Белл, — знание необходимо для функционирования любого общества. Но специфика постиндустриального общества определяется именно характером знания». И «главную роль в процессах принятия решений и управления изменениями играет теперь теоретическое знание... Современное общество существует благодаря инновациям и социальному контролю за изменениями, стремится предвидеть, планировать будущее. Именно изменение в осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание» [1, р. 20] (перевод И. Ю. Алексеевой. — *М. П.*).

Роль теоретического знания определит, по мнению Д. Белла, и положение не буржуа или пролетария, а ученого как центральной фигуры постиндустриального общества. В нем сформируется новая элита, принадлежность к которой станет возможной благодаря квалификации и образованию, а не в силу обладания собственностью или положения в политической структуре. «Бережное отношение к талантам и распространение образовательных и интеллектуальных институтов станет главной заботой общества», — прогнозировал Д. Белл [1, р. 345]. Если в индустриальной экономике ключевым институтом было предприятие, производящее вещественные блага, то в наступающей эпохе центральным учреждением будет университет или какая-либо иная форма институционализации знания. До сих пор, подчеркивает Белл, власть находилась в руках делового сообщества, хотя сегодня разделяется до некоторой степени с профсоюзами и государством. В постиндустриальном обществе важнейшие решения относительно роста экономики и ее сбалансированности будут исходить от правительства, но будут основываться на поддерживаемых правительством научных исследованиях и разработках (такая практика была характерна и для СССР. — *М. П.*). Соединение науки, техники и экономики находит выражение в феномене НИР, который, по мнению Белла, должен играть все более важную роль в обществе, устремленном в будущее. Забота о будущем — еще одно важное свойство постиндустриального общества — предполагает оценку технологий, контроль за технологиями, прогнозирование технологического развития.

Постиндустриальная эпоха будет временем расцвета новой интеллектуальной технологии, используемой в управлении организованной сложностью

(крупной организацией, большой системой, теорией со многими переменными). К концу XXI века новая интеллектуальная технология будет играть столь же выдающуюся роль в человеческих делах, какую играла машинная технология в прошедшие полтора века. Интеллектуальная технология заменяет интуитивные суждения алгоритмами, которые могут быть реализованы в автоматической машине, в компьютерной программе, в наборе инструкций, основанных на математических формулах. Примером новых интеллектуальных технологий являются теория игр и системный анализ. «Цель новой интеллектуальной технологии, — пишет Д. Белл, — состоит не больше и не меньше как в том, чтобы воплотить мечту социального алхимика: „упорядочить“ массовое общество. Ныне в этом обществе миллионы людей ежедневно принимают миллиарды решений: что купить, сколько иметь детей, за кого голосовать, на какую работу пойти и т. д. Любой частный выбор так же непредсказуем, как и движение атомов в квантовой физике, произвольно воздействующих на измерительный прибор, но все же совокупную составляющую можно выявить столь же четко, как это делает геодезист, определяя методом триангуляции высоту и горизонт. Но непредсказуемо поведение отдельного атома, в то время как поведение совокупности может быть очерчено столь же четко, как треугольники в геометрии» [7, с. 43—44].

Признавая, что осуществление такой цели есть утопия и что она неосуществима постольку, поскольку человек сопротивляется рациональности, Д. Белл считает, однако, что движение к этой цели возможно. Если роль «мастера» в интеллектуальной технологии играет теория принятия решений, то роль «инструмента» выполняет компьютер. Без компьютера применение новых математических средств было бы предметом лишь интеллектуального интереса или осуществлялось бы с «очень низкой разрешающей способностью». Именно компьютеры, позволяющие выполнять значительное число операций в течение короткого интервала времени, делают возможным развитие интеллектуальной технологии.

С возрастающей ролью теоретического знания как источника инноваций в различных областях связано изменение понятия услуги. На смену «экономике товаров» приходит «экономика услуг»: здравоохранение, образование, многие виды исследований и управления.

Д. Белл использовал понятие индустриального общества для характеристики прошлого и настоящего многих стран, включая США и СССР, а к началу XXI века в постиндустриальную стадию развития должны были, по его мнению, вступить США, Япония, Советский Союз и страны Западной Европы. Постиндустриализм в его классическом варианте обрел как многочисленных приверженцев, так и серьезных критиков. В СССР он был отвергнут как проявление технологического детерминизма, связанное с надеждами разрешить противоречия капиталистического общества за счет развития науки (сциентизм) и техники (технологический детерминизм) при забвении классовой борьбы. Во Франции Д. Белла критиковали за то, что он предлагает вариант либерального подхода, склонен рассматривать конфликты только в терминах рынка, синонима капиталистического общества.

Согласно В. Л. Иноземцеву, сторонники нового общества указывают на выход за пределы экономического общества, демонстрируя постэкономические тренды в современном мировом развитии. Понятие постэкономического общества необходимо, на взгляд В. Л. Иноземцева, для обозначения более гуманной

новой социальной политики. От прежних общественных форм она будет отличаться в первую очередь значением и ролью личности в социальной структуре. Предпосылки формирования нового общества вызревают по мере того, как технологический и хозяйственный прогресс начинает воплощаться не столько в наращивании объемов и разнообразия производимых материальных благ, сколько в изменяющемся отношении человека к самому себе и своему месту в окружающем мире. Материальный прогресс выступает лишь *необходимым* условием становления постэкономического порядка. *Достаточным* условием его формирования служит изменение ценностных ориентиров человека, приводящее к тому, что главным мотивом его деятельности становится совершенствование своего личностного потенциала. Концепция постэкономического общества не переоценивает значения технологических сдвигов, как бы масштабны они ни были в современной постиндустриальной действительности. Не переоценивает она и самореализацию человека вне его продуктивной деятельности, поскольку выход за пределы таковой не может состояться в обозримой перспективе. Речь идет об указании глубинных преобразований современной социально-экономической действительности, к которым так или иначе апеллируют представители «постэкономизма», фиксирующие внимание на информатизации, компьютеризации и гуманизации в развитии мира социальной материи. Таковы абстрактные характеристики постэкономического общества. Однако не все хорошо обстоит на практике.

Революционные изменения и их трудности в современном мире¹

Информатизацию, компьютеризацию и гуманизацию можно характеризовать как начала революционных преобразований в развитии мира социальной материи, возникшие с появлением электронно-вычислительных машин, которые без участия человека совершают операции с числами, получая, преобразовывая и передавая информацию. Хотя человек задает им программу и ставит задачи, ЭВМ самостоятельно оперируют с цифрами, генерируя, накапливая и передавая новую информацию. В том числе, такую, которую ни человек, ни человечество в целом без ЭВМ получить бы не смогли. В этом их принципиальное отличие от машин с автоматическим управлением, которые создавались и применялись человеком с незапамятных времен, начиная со сливного бачка в туалете и заканчивая современными станками с числовым программным управлением. С появлением искусственного интеллекта все большие классы задач ЭВМ ставят и решают самостоятельно, без участия человека. Как ребенок, овладевший грамотой, в дальнейшем умеет самостоятельно читать и писать, так и современные ЭВМ могут считывать, генерировать и передавать цифровую информацию как человеку, так и себе подобным. Общение с себе подобными идет между ЭВМ на цифровом языке без участия человека, запрограммировавшего компьютерную систему на выполнение тех или иных функций или решение определенных задач. В интернете вещей или «умном доме» ЭВМ самостоятельно выполняют все большие классы задач, ранее решавшиеся человеком. Причем выполняют их более быстро, четко и качественно. К настоящему времени цифровая, как ее назы-

¹ При написании этой части статьи использован материал доклада академика С. А. Глазьева (см.: [7]).

вают, революция охватила практически все виды деятельности и вовлекла в свою орбиту бóльшую часть человечества.

На основе системы «нанокomпьютер — наноманипулятор» можно будет организовать сборочные автоматизированные комплексы, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни.

Расходы на освоение нанотехнологий и масштаб их применения растут по экспоненте. Исследователи говорят о неготовности социально-экономической среды к их широкому применению. Явно отстает система государственно-правового регулирования, наиболее коррупциогенной сферой остается информатизация систем управления, поглощающая растущую часть бюджетов органов управления без сколько-нибудь заметной отдачи.

Революция угрожает государственной безопасности: кибертерроризм и кибершпионаж, ведущиеся против России Соединенными Штатами Америки, их союзниками, а также другими странами и иностранными террористическими и преступными организациями, а также отдельными лицами и группами лиц; аналогичные угрозы со стороны внутренних преступных сообществ, террористических организаций, радикальных религиозных, нацистских и прочих экстремистских группировок и антигосударственных сил; уход от налогообложения, незаконный вывоз капитала, отмывание преступно полученных доходов с использованием криптовалют; наконец, осуществление незаконной предпринимательской деятельности посредством использования сети Интернет, включая электронную торговлю и финансовые услуги.

Преодоление этих угроз наталкивается на многие трудности социально-экономического характера, требующие отсутствующих в современном обществе социалистических преобразований.

По иронии истории информационная, компьютерная революция, как и гуманизация, разворачивается после краха мировой системы социализма, которому она могла бы обеспечить качественный скачок в эффективности системы народнохозяйственного планирования и принести колоссальные конкурентные преимущества в соревновании с капиталистическими странами. В СССР с научно-техническим прогрессом связывали возможности роста народного благосостояния и увеличения доли свободного времени в жизненном цикле человека. В послевоенный период они последовательно увеличивались одновременно с расширением рекреационной сферы. Хотя многие жители тратили время на распитие алкогольных напитков, идеология строительства коммунизма заполняла свободное время самосовершенствованием личности, созидательной творческой работой, образованием, участием в общественной работе, включая управление государством. Неслучайно СССР стал самой читающей страной в мире с лучшей системой массового образования.

Капиталистическая система ориентирует бизнес на максимизацию прибыли любой ценой, что создает неразрешимые проблемы на пути революции. С одной стороны, рост производительности труда обеспечивает увеличение прибавочной стоимости. С другой стороны, высвобождение занятых производственной деятельностью людей означает соответствующее снижение спроса, что

ставит предел наращиванию производства и расширенному воспроизводству капитала. Растет социальное неравенство, общество раскалывается на всемогущих обладателей ключей к применению цифровых технологий и неприсяжных к производственной деятельности потребителей. Для заполнения их досуга работает индустрия развлечений, стараются шоумены, наркочилеры, пиарщики. Переход к безлюдным производственным технологиям сопровождается переток капитала в финансовый сектор, информационная революция в котором породила бесконечные финансовые пузыри и пирамиды.

Происходящая революция разрушает привычные стереотипы хозяйствования. Если в традиционных сферах чем больше тратится ресурсов, тем дороже стоит продукт, то в цифровой экономике все наоборот. Чем больше накоплено данных, тем дешевле производство продукции. Накопление данных позволяет генерировать новые данные с уменьшающейся стоимостью дополнительно получаемой информации. По мере расширения сферы деятельности и охвата рынка предельная эффективность инвестиций растет, а не снижается, как в сфере материального производства. Интернет-экономика и информационная революция в финансовом секторе поставила реальный сектор в положение донора. Даже в условиях проводимой в западных странах накачки экономики фиатными деньгами большая часть их эмиссии втягивается финансовым сектором, в то время как производственные инвестиции стагнируют. Институциональная система США, Великобритании и других капиталистических стран следует за потребностью воротил цифровой экономики, не пытаясь смягчить связанные с ее расширением диспропорции и нейтрализовать перечисленные выше угрозы.

Советский социализм рухнул потому, что сложившаяся в нем институциональная система оказалась недостаточно гибкой, чтобы обеспечить своевременное перераспределение ресурсов из устаревших производственно-технических систем в новые, более эффективные. Она восприняла цифровую революцию в сугубо технологическом плане для автоматизации рутинных производственных процессов, создав такие шедевры массового производства, как автоматические роторные линии. Но институты планирования работали «от достигнутого уровня», обслуживая бесконечное воспроизводство одних и тех же технологий. В результате народное хозяйство стало технологически многоукладным, в котором устаревшие производства поглощали все больше ресурсов, критически не хватавших для освоения новых технологий. Высоко иерархическая жесткая система управления отвергала новые возможности планирования, возникшие вместе с цифровой революцией, продолжая работать по сложившейся еще в годы первых пятилеток процедуре перманентного наращивания объемов производства. Печально знаменитый вал в конце концов накрыл систему централизованного планирования — предельная эффективность капиталовложений в базовых отраслях промышленности устремилась к нулю.

Китайские коммунисты сумели сделать правильные выводы из краха жестко централизованной системы управления социалистической экономикой, используя рыночные механизмы самоорганизации. Централизованное управление сохранили в финансовой сфере, в инфраструктурных и базовых отраслях, обеспечивавших общие условия для роста предпринимательского сектора. Это придало экономике динамизм. Высвободившиеся из рутинных процедур планирования управленческие ресурсы были сосредоточены на стратегическом управлении и гармонизации разнообразных социально-экономических интересов,

обеспечивающих воспроизводство экономики социальных групп. В отличие от советской, китайская система управления экономикой научилась ее технологически и институционально перестраивать, вовремя сворачивать устаревающие производства, отсекая от ресурсов неэффективные предприятия и помогая передовикам осваивать новейшие технологии.

Созданный в КНР новый мирохозяйственный уклад, напоминаящий опыт нэпа в России, продемонстрировал намного большую эффективность по сравнению как с советским, так и с западным капитализмом. Об этом свидетельствуют и достигнутые в КНР результаты в применении цифровых технологий. Китай не только вышел на первое место в мире по производству вычислительной техники, но и создал свои социальные сети, огорожив свое информационное пространство от подрывных действий извне. В Китае развернулось широкое применение цифровых технологий в хозяйственном обороте. Несмотря на кажущийся избыток рабочей силы, Китай вышел на первое место в мире по количеству устанавливаемых и производимых роботов.

КНР не пугают рассмотренные выше угрозы цифровой экономики, включая заполнение свободного времени высвобождаемых из производственной сферы людей и поддержание их потребительского спроса. Внедряемая в настоящее время в КНР концепция рейтингования граждан лучше всякого партийного контроля будет стимулировать их созидательную творческую активность. Люди, положительно проявляющие себя на производстве, в деловых отношениях, в исполнении коммерческих и социальных обязательств, добросовестно ведущие дела и соблюдающие этические нормы, будут автоматически высоко оцениваться и пользоваться поддержкой системы государственного регулирования и продвигаться по карьерной лестнице. Недобросовестные, безнравственные, необязательные и, тем более, коррумпированные и имеющие преступные наклонности лица, наоборот, будут отлучаться от всех форм государственной поддержки и продвижения. Аналогичная система создается и для юридических лиц.

Цифровая революция фактически сделала электронным концлагерем общество в странах Запада, где ведется системный контроль за гражданами посредством компьютерного анализа телефонных разговоров, мониторинга социальных сетей, накопления личных файлов в бесконечных базах данных американских спецслужб. На этой основе происходит манипулирование поведением граждан, которым компьютеры составляют адресную рекламу и ориентиры для политического выбора. По всей видимости, цифровая революция будет усиливать конкурентные преимущества социалистической рыночной экономики в КНР, а также Индии, Ю. Корее, Японии, странах Индокитая и других государствах, вставших на путь перехода к новому мирохозяйственному укладу.

В США и в их союзниках по НАТО попытки использовать цифровые технологии для подкрепления военно-политической гегемонии будут вызывать лишь раздражение других стран и подогревать антиамериканские настроения. Несомненно, что лидерство США в информационных технологиях будет обеспечивать им достаточно высокую конкурентоспособность соответствующих отраслей экономики. Но неэффективная институциональная система, обслуживающая накопление капитала в частных интересах, в том числе путем нарастающей денежной эмиссии, не позволит США удержать глобальное лидерство. Либо они вынуждены будут с этим смириться, либо их ждет горькое поражение в мировой гибридной войне.

В рамках нового мирохозяйственного уклада, который приходит на смену проанализированному еще В. И. Лениным имперскому, будет восстановлен государственный суверенитет при соблюдении договорных норм международного права. Каждая страна будет строить свой вариант цифрового общества, с учетом собственных традиций и этических норм. Человечество ждет качественный эволюционный скачок за счет кратного увеличения творческой активности людей, которая может самореализовываться и в созидательном, и в разрушительном направлении. Это зависит от этических норм и государственных политик ведущих стран мира. Не исключен вариант и самоистребления человека путем создания саморегулируемой «цивилизации роботов» в рамках ведущейся США гибридной войны за удержание глобальной гегемонии. Чтобы предотвратить такой ход событий, необходимо создавать широкую антивоенную коалицию стран, заинтересованных в мирном гармоничном развитии. Это говорит о возможности разных сценариев реализации процессов информатизации, компьютеризации и даже гуманизации в ходе эволюции мира социальной материи, а также свидетельствует о том, что складывающийся «нэповский» вариант мирохозяйственного уклада, о котором пишет С. А. Глазьев [9], называя его интегральным, не является окончательным в человеческой истории. Напротив, он является промежуточным, оставляя вопрос о путях развития России и мирового сообщества в целом по капиталистическому или социалистическому пути. Этому соответствуют две концепции — экономизма и постэкономизма — информатизации, компьютеризации и гуманизации в эволюции мира социальной материи.

Библиографический список

1. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y.: BasicBooks, Inc., 1973. 507 p.
2. *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // *Dissent*. Vol. XXXVI, no 2. Spring 1989. P. 167.
3. *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and World. N. Y.: Morrow, 1971. 235 p.
4. *Saxby S.* The Age of Information: The Past Development and Future Significance of Computing and Communications. London: Macmillan, 1990. 264 p.
5. *Servan-Schreiber J. J.* Le defie mondiale. Paris: Fayard, 1980. 477 p.
6. *Алексеева И. Ю.* Что такое общество знаний? М.: Когито-Цетр, 2009. 96 с.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
8. *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, 1997. 224 с.
9. *Глазьев С. А.* Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века. 14.09.2017. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (дата обращения: 01.12.2020).
10. *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 640 с.
11. *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia : Наука, 1998. 614 с.
12. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

References

Alekseyeva, I. Yu. (2009) *Chto takoye obshchestvo znaniy?* [What is a knowledge society?], Moscow: Kogito-Tsetr.

Bell, D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books, Inc.

Bell, D. (1989) The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences, *Dissent*, vol. XXXVI, no 2, p. 167.

Bell, D. (1999) *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo progno-zirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting], Moscow: Academia.

Gaydar, E. T. (1997) *Gosudarstvo i evolyutsiya. Kak otdelit' sobstvennost' ot vlasti i povysit' blagosostoyaniye rossiyan* [State and evolution. How to separate property from power and improve the welfare of Russians], St. Petersburg: Norma.

Inozemtsev, V. L. (2000) *Sovremennoye postindustrial'noye obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives], Moscow: Logos.

Inozemtsev, V. L. (1998) *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva. Postindustrial'nyye teorii i postekonomicheskiye tendentsii v sovremennom mire* [Outside the economic society. Postindustrial theories and post-economic trends in the modern world], Moscow: Academia; Nauka.

Kahn, H., Brown, W., Martell, L. (1971) *The Next 200 Years. A Scenario for America and World*, New York: Morrow.

Saxby, S. (1990) *The Age of Information: The Past Development and Future Significance of Computing and Communications*, London: Macmillan.

Servan-Schreiber, J. J. (1980) *Le defie mondiale*. Paris: Fayard.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020 г.

Сведения об авторе

Прохоров Михаил Михайлович — доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Нижний Новгород, srec@nngasu.ru

Information about the author

Prokhorov Mikhail Mikhailovich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation, srec@nngasu.ru